

Georgy Vekshin*

Неканоническая пунктуация рукописей А.С. Пушкина. I.

Семиотическая деятельность не имеет дела ни с готовыми формами, ни с готовыми смыслами. При всей важности индексального и изобразительного элемента в коммуникации, только **символизация**, с ее изначальной установкой на свободу вещи от смысла, формы от значения, делает язык условием жизни как творчества. Здесь форма и значение в их челночной взаимосвязи в каждый момент речи являются искомыми – не данностью, не результатом, а инструментом поиска, способом его организации и, наконец, его предметом и целью. Может быть, именно осознание этой свободы и признание способности любых элементов формы быть источниками и свидетелями смысла побуждает текстологию последних десятилетий с особо пристальным вниманием обращаться к уникальному и даже как будто случайному в рукописи, чтобы понять текст как функцию творящей личности, которая раскрывается не столько в результатах письма, сколько в его процессе¹.

Предмет этой статьи-диптиха – творческое сознание Пушкина, отражаемое в его рукописях. Ее **объект** – пушкинская окказиональная (индивидуально-авторская) пунктуация, преимущественно в той ее части, которая предполагает использование специальных неканонических пунктограмм. Вся проблематика индивидуально-авторского употребления традиционных

* Doktor filologicheskikh nauk, professor, Moskovskiy Politekhnikeskii universitet, kafedra russkogo yazyka i istorii literatury, philologos@yandex.ru

1 Sm.: A. Grésillon, *Éléments de critique génétique. Lire les manuscrits modernes*, Paris 1994; J. Deppman, D. Ferrer, and M. Groden (eds.), *Genetic Criticism. Texts and Avant-textes*, Philadelphia 2004; M. Antoniuk, *Otwieranie głosu. Studium o wczesnej twórczości Zbigniewa Herberta*, Kraków 2009; N.V. Pertsov, I.A. Pil'shchikov, *O lingvisticheskikh aspektakh tekstologii*, 'Voprosy yazykoznavaniya' 2011, № 5; E. Pierazzo, *Digital Scholarly Editing: Theories, Models and Methods*, Routledge 2016 i dr.

знаков препинания² останется за рамками этой публикации. Задача, а точнее желанная перспектива исследования, – по возможности понять канонический пушкинский текст (изданный при жизни или впоследствии канонизированный в данном виде экспертами) в его генезисе как череду моментов творческого выбора, ведущих к некоторой условно итоговой версии, интерпретация которой таким образом может стать более объемной и многомерной.

Статья тематически и композиционно распадается на **две части** и публикуется в двух частях: первая, представленная в настоящем издании, посвящена теоретическим предпосылкам описания индивидуально-авторской пунктуации. Здесь будут высказаны наиболее общие соображения о природе и основных функциях окказиональной пунктуации черновиков Пушкина и использован лишь некоторый, наиболее характерный, с моей точки зрения, материал³ – с целью не оставить теоретические положения без примеров.

1. Русская текстология и пушкинистика исторически неразрывны. «На Пушкине главным образом, как известно, выковывались методы чтения рукописей, методы издания их, методы редактирования классиков русской литературы», а «пушкинская текстология сделалась представительницей русской текстологии вообще»⁴. Это и облегчает решение задачи (прежде всего благодаря доступности и глубокой изученности пушкинских черновиков), и, в силу груза традиции, одновременно осложняет ее.

Одним из обстоятельств последнего рода является своеобразный культ белой рукописи в пушкинской текстологии. Между тем известно, что формальная завершенность работы, фиксируемая беловиком, не означает, что эта работа не может быть продолжена. Позднейшие редакции текста, в частности уже опубликованного, напоминают о том, что жизнь текста в творческом сознании автора, в сущности, бесконечна. Само «охлаждение» автора к тексту (не столь важно – переписанному набело или нет) может считаться «минус-приемом» в работе над ним. Включение или невключение текста автором в позднейшие издания, его подверженность или неподверженность «послебеловому» и «послепечатному» редактированию – такое же свидетельство продолжения жизни текста в сознании автора, как и новая черновая редакция.

2 Sredi naiboleye znachimykh rabot v oblasti punktuatsii Pushkina – stat'ya B.M. Gasparova, posvyashchennaya funktsiyam traditsionnykh znakov prepiniy v chernovikakh poeta. Sm.: B. Gasparov, *Zametki o Pushkine*, 'Novoye literaturnoye obozreniye' 2001, № 52.

3 Serdechno blagodaryu N.V. Pertsova za predostavlenyye v moye rasporyazheniye faksimile i transkripsii pushkinskikh stikhotvoreniy, kak i za tsennyye konsul'tatsii v khode moyey raboty.

4 S.M. Bondi, *O chtenii rukopisey Pushkina*, [v:] idem, *Chernoviki Pushkina: Stat'i 1930–1970 gg.*, 2-ye izd., Moskva 1978, s. 143.

На этом фоне практика «сведения» черновых записей к некоему относительно цельному гипотетическому промежуточному варианту (при всей герменевтической полезности таких экспериментов) – также свидетельство стремления текстолога навязать генезису текста сильнейшую статическую составляющую⁵. **Сводка** черновика, контаминация разных слоев (его «селекция», по терминологии Г.О. Винокура⁶), выборочное воспроизведение вариантов или даже их связный пересказ⁷ – в сущности, такое обобщение вариантов правки, которое предполагает, что на определенном этапе работы в сознании писателя фиксируется некий потенциальный «беловик», что вовсе не очевидно. Конструкт сводки – прежде всего искушение для самого текстолога, стремящегося в этом случае упростить, дискретизировать представление творческого процесса, представить его в виде хотя бы и промежуточного, но все же результата, итога. Понятно, что такой подход требует в основном пренебречь и авторской пунктографией⁸. Ср. у С.М. Бонди: «Только беловик решает вопросы внешнего графического оформления вещи: большие буквы, расположение строф, абзацев, пробелы и иные знаки композиции (например, строчки точек, черточек и т.д.), вся пунктуация и т.п. В черновике искать этого бесполезно»⁹.

Интерес к **рукописи как экспоненту творческого процесса**, непосредственной эмпирической данности и первичной культурной ценности заставляет вернуться к пониманию значимости транскрипции. Презрение к транскрипции черновика как только технической промежуточной операции, строительным «лесам» в работе текстолога, когда «сведение» вариантов (всегда гипотетическое, а иногда и насильственное в отношении картины генезиса текста) мыслится абсолютно приоритетной задачей, в последнее время все заметнее сменяется пониманием необходимости транскрипции (не исключаяем понимания ее условности) как специальной системы представления черновика, требующей учёта и отражения значительно большего количества семиотических признаков письма, чем это принято в печатной, эдиционной форме¹⁰ (в частности – в связи с необходимостью внедрения факсимильно-транскрипционного и анимационного методов

5 Sr.: N.V. Pertsov, I.A. Pil'shchikov, *O lingvisticheskikh aspektakh...*, s. 8–9.

6 G.O. Vinokur, *Kritika poeticheskogo teksta*, Moskva 1927.

7 S.A. Reyser, *Osnovy tekstologii. Uchebnoye posobiye dlya studentov pedagogicheskikh institutov*, izd. 2-ye, Leningrad 1978, s. 39.

8 Sr. I.A. Pil'shchikov, *Avantekst kak ob"yekt avtorskoy leksikografii (neskol'ko prakticheskikh voprosov na primere slovaryazyka Batyushkova)*. M.L. Gasparovu-stikhovedu: *In memoriam*, pod red. M.V. Akimova, Moskva 2017, s. 193.

9 S.M. Bondi, *O chtenii rukopisey Pushkina...*, s. 152.

10 M.D.L. Vander and G.T. Tanselle, *A System of Manuscript Transcription*, "Studies in Bibliography" 1999, Vol. 52, s. 201–212.

в практику издания произведений литературной классики)¹¹. В этой связи служебные и попутные неканонические пунктуационные знаки, обычно устранимые Пушкиным в беловой версии или объективно (вполне вероятно, что и невольно, лишь под давлением пунктуационных норм и традиций семиотики издания) исчезающие в печатной форме, заслуживают особого внимания, поскольку представляют авторское видение композиции и всей синтактики текста в его генетической динамике. Тем большую важность они приобретают там, где выступают знаками не сугубо индексальными (как характер почерка, манера исправления, цвет и состав чернил и т.п.) и не иконическими (как рисунки и проч.), а специальными символами в ряду символов, т.е. знаками полноценными и полнозначными (при всем их «поисковом» характере), составляющими единое целое с текстом в его становлении.

2. Что представляют собой неканонические пунктуационные знаки в рукописях Пушкина?

Во-первых, заметим, что они достаточно разнообразны и проявляют очевидную тенденцию к семантической специализации. Далее, они оказываются свидетельствами важных творческих решений автора. И, наконец, они, хотя и в разной мере, обладают очевидными признаками системности. Проступающая сквозь черновики Пушкина **система пунктуации**, окказиональная в той части, которая касается специальных графических форм, и скрыто-окказиональная в части функций традиционных знаков, – это символы иногда вполне однозначные и стабильные в своей форме и функции, а иногда очень гибкие и многозначные.

Наш подход к пунктуации основан на общеизвестной точке зрения, отчетливо сформулированной И.А. Бодуэном де Куртенэ¹² и позднее детализированной, согласно которой знаки препинания выполняют две наиболее общих, **базовых функции** – служить:

- 1) показателями **синтагматической организации** письменно-речевого потока (членения, объединения и выделения единиц синтагматики);
- 2) сигналами **семантической и прагматической**, в частности эмоционально-прагматической, организации речи.

¹¹ N.V. Pertsov, *Ob autentichnom faksimil'no-transkriptsionnom predstavlenii rukopisey russkikh klassikov*, 'Filologicheskiye nauki' 2015, № 1, s. 75–94; G. Vekshin, E. Khomyakova, *The Video-text Project: Solutions for the New Age of Digital Genetic Reading*, Advances in Digital Scholarly Editing: Papers pres. at the DiXiT conferences in The Hague, Cologne, and Antwerp, eds. by P. Boot, A. Cappellotto, et al., Sidestone Press, Leiden 2017, s. 219–222. V etom zhe rusle idet protsess reabilitatsii 'ustarevshey' orfografii – sm.: M.I. Shapir, *Ob orfograficheskom rezhime v akademicheskikh izdaniyakh Pushkina*, Moskovskiy pushkinist, [vyp.] IX, Moskva 2001 i dr.

¹² I.A. Baudouin de Courtenay, *Znaki prepiniya. Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniyu*, t. 2, Moskva 1963, s. 238–239.

Помимо этого, должны учитываться **дополнительные характеристики знаков**, обусловленные специализацией (конкретизацией) и взаимодействием их базовых функций. Они сводятся к следующим признакам и требуют определить:

- 1) Что в первую очередь обеспечивает знак при выполнении первой основной функции (синтагматической организации речи) – членит, объединяет или выделяет. Таким образом различаются *делIMITационная, консолидационная и эмфатическая функции*.
- 2) Какие *позиции* синтагм маркирует данный знак – начальную, внутреннюю (серединную) или конечную. Это *позиционно-маркирующая функция*, позволяющая различать три вида знаков – *инициаторы, медиаторы и терминаторы*. (Например: делимитатор как маркер может быть инициатором, медиатором и терминатором (завершителем) синтагмы. То же для эмфатических знаков. Консолидаторы всегда проявляются или как преимущественно скобочные, иницирующе-терминирующие знаки, или как внутренне цементирующие связки-медиаторы.)
- 3) Какого *уровня* синтагматические единицы организует пунктограмма (фраза, строка, строфа, текстовый раздел, текст). Таким образом пунктограммы различаются по форматно-синтагматическому признаку.
- 4) Как знак соотносится с текстом: непосредственно организует его синтагматику и семантику или сопровождает его – как пометка на полях, автокомментарий, не включаемый в собственно текст, и др. Таким образом выделяются знаки, *интегрированные* в строение текста и фразы (*внутрифразовые, межфразовые, общетекстовые*) и *внетекстовые* (маргинальные) знаки рукописи.
- 5) Если он выполняет *семантическую функцию*, то *какого рода*. На этом основании могут быть выделены семантико-грамматические пунктограммы, знаки коммуникативно-прагматической установки, знаки эмоциональной семантики, знаки актуального членения высказывания и др.
- 6) Выступает ли знак только в одной из базовых функций или совмещает обе. Таким образом по характеру функциональной специализации выделяются два типа пунктограмм: *монофункциональные* (специализированные) и *полифункциональные* (комбинированные, синтетические).

В дополнение к предлагаемой функциональной типологии авторских пунктограмм следует сделать два замечания.

Во-первых, за рамками ее остаются *служебные знаки технической организации* рукописи как не имеющие прямого отношения к замыслу текста и его пониманию. К этому разряду символов относится нумерация страниц, нумерация фрагментов, условные знаки восстановления варианта (пунктирное подчеркивание зачеркнутого), вставки, выделения перемещаемых фрагментов и т.п.

Во-вторых – замечание более общего методологического порядка. Я хотел бы обратить внимание на то, что данная классификация (вполне вероятно, неполная, но претендующая на адекватную функциональную характеристику интерпункции) принципиально избегает упоминаний ритма, интонации, мелодики и т.п. как источников постановки знака. Это сделано, в частности, потому, что фонические, акустические, собственно произносительные свойства речи (при всей грандиозной значимости мыслимого и интеллектуально переживаемого ритма и композиционно-звукового развертывания поэтической речи) мы считаем лишь устно-речевыми экспонентами его синтагматической организации. Н.И. Жинкин говорит о «*вписанности интонации в сегментную структуру текста*»¹³. Такие явления, как межстиховой пробел-перенос или знаменитая, замечательно осмысленная М.Л. Гаспаровым «лесенка» В. Маяковского – это не следствие его произнесения и не рекомендации к его произнесению, но результат авторского моделирования синтагматики текста, ее «подчиненности синтаксическому членению стиха (расположению и силе межсловесных связей)»¹⁴, вследствие чего текст может и произноситься особым образом. Операции членения, объединения и выделения, будучи основными видами синтагматической организации текста, отражаемой в его пунктуации, определяют, с другой стороны, и собственно назначение просодики и интонации речи¹⁵. Таким образом, ритм и интонация в их функциональной связи с синтагматикой текста представляются вовсе не чуждыми тексту, но апелляция к этим понятиям при описании авторской пунктуации оказывается избыточной.

Уместно напомнить, что в русской лингвистической традиции были смелые попытки привязать смысл знаков препинания к «выразительному чтению», представить ритмико-мелодическую организацию речи как основу пунктуационной системы русского письма¹⁶, однако вся логика русского правописания, с ее приоритетной опорой на принцип: «пишем, не как слышим, а как понимаем смысл, выраженный в строении слова и предложения», – противоречит идее фонационной детерминированности русской пункту-

13 13 N.I. Zhinkin, *Yazyk. Rech'. Tvorchestvo. Issledovaniya po semiotike, lingvistike, poetike*, Moskva 1998, s. 43–52. Sr.: N.I. Zhinkin, *Mekhanizm regulirovaniya segmentarnykh i prosodicheskikh komponentov yazyka i rechi. Poetics. Poetyka. Poetika*, Varshava 1961.

14 M.L. Gasparov, *Ritm i sintaksis: proiskhozhdeniye 'lesenki' Mayakovskogo, Problemy strukturnoy lingvistiki* 1979, Moskva 1981, s. 160.

15 Sm. N.D. Svetozarova, *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka*, izd-vo Leningr. un-ta, Leningrad 1982 i dr.

16 A.M. Peshkovskiy, *Znaki prepiniya i nauchnaya grammatika. Shkol'naya i nauchnaya grammatika: opyt primeneniya nauch.-grammat. printsipov k shk. praktike*, 2-ye izd., ispr. i dop., Moskva 1918, s. 81–106. Sr.: M.B. Parkes, *Pause and Effect: An Introduction to the History of Punctuation in the West*, Ashgate, Aldershot 1992.

ации и нашла лишь частичное отражение в дальнейших исследованиях. Между тем одна из самых содержательных работ о пунктуации черновиков Пушкина обращает внимание на значимость *интонационно-ритмического* образа речи, влияющего на постановку знаков или свободу от них. Согласно выводам Б.М. Гаспарова, его

наблюдения ближе подводят нас к восприятию литературного «голоса» в его реально-звуковом, а не опосредованном воплощении. Конечно, и в этом случае речь идет отнюдь не об эмпирическом одномоментном акте чтения стихов – скажем, самим поэтом в момент сочинения, – но о более обобщенном интонационном модусе такого чтения, включающем такие параметры, как темп и динамика, мелодический рисунок интонационного контура, характер членения речи, расстановка акцентов, тембр голоса, режим дыхания. Все же, чтобы оценить знаковую ценность этих параметров, их необходимо воссоздать, или, вернее, приблизительно наметить, внутренним слухом. Стихотворный текст в этом случае прочитывается подобно музыкальной партитуре, письменные знаки которой позволяют мысленно конструировать звучание, отвлеченное от конкретного акта исполнения музыки¹⁷.

Здесь заметны колебания между представлением о пунктуации как возможном отражении «реально-звукового» и способностью знаков препинания выражать интонацию в «отвлечении от конкретного акта исполнения». Второе кажется во всяком случае наиболее важным – отражение в пунктуации звучания «внутренних голосов»¹⁸, а не голоса как такового.

3. В фокусе этой части статьи оказываются **индивидуально-авторские знаки**, которые в большинстве своем легко поддаются интерпретации.

Это **пять знаков**, организующих **синтагматику**, один из которых выполняет также **семантическую** функцию:

- 1) **Диез** – строго разделитель строк. Выступает в графических вариациях, легко сводимых к инварианту. Не имеет доп. семантических функций.
- 2) **Отчеркивание** (горизонтальная или наклонная черта) – разделитель и терминатор более широкого применения (оператор для строк и более крупных фрагментов, включая текст). Не имеет доп. семантических функций.
- 3) **Чайка** (фигурная горизонтальная скобка), терминатор-консолидатор целого текста, обычно стихотворного.
- 4) **Пружинка** (вензель) – терминирующий знак с дополнительной семантической функцией сигнализации об удовлетворенности автора завершением

¹⁷ B. Gasparov, *Zametki...*

¹⁸ G. Nunberg, *The Linguistics of Punctuation*, Stanford 1990, s. 15.

текстом. Пунктограмма, соединенная с пиктограммой орнаментального типа.

- 5) **Множественное нижнее тире** (многоотирие) – делимитатор-терминатор сверхфразовых единств и текста с дополнительной сематической функцией, сопоставимой с семантикой многоточия (глубокая пауза, умолчание).

Ниже даются некоторые детали, примеры и комментарии.

3.1. Знак диез используется Пушкиным исключительно для указания на окончание строфы и раздел между строфами.

Рис. 1. Графические вариации знака **диез** в рукописях Пушкина

Он не встречается как маркер завершения текста. Графически его неизменным, постоянным элементом является двойная зигзагообразная черта – либо горизонтальная (тогда этот знак напоминает флажок или разводную линейку), либо диагональная. Вторым элементом – пересекающая черта – факультативен. Соединительная линия между основными параллельными чертами может отсутствовать (см. рис. 1). Происхождение этого знака неясно. Термин **диез** не вполне, лишь приблизительно, отражает графическую модель этого знака.

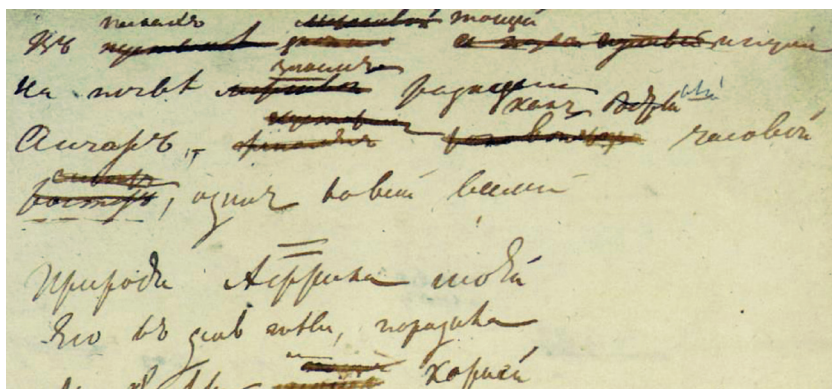

Рис. 2. **Диез** без пересекающей черты. Факсимиле черновика стихотворения «Арион»

3.2. Отчеркивание. Знак, указывающий как на разделение фрагментов текста (необязательно строф), так и на его завершение (см. рис. 3).

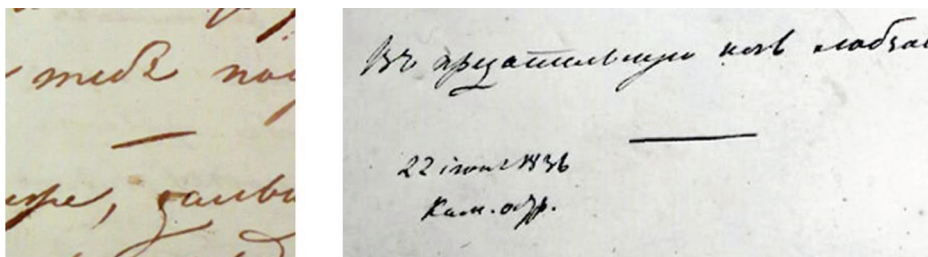

Рис. 3. Позиционные вариации знака **отчеркивания** в рукописях Пушкина

Графическая вариативность этого символа по длине и расположению связана с изменением его функции. Чем короче черта, тем скорее она будет служить делимитатором фрагментов текста, близким по функции к диезу. Чем она длиннее – тем скорее она указывает на завершение текста. Как терминатор текста этот знак тяготеет к концу последней, но может располагаться и в середине, а также удваиваться (в одном направлении или образуя параллель). В этом случае он обычно приобретает сильный наклон. Двойная терминирующая черта, очевидно, может считаться знаком подчеркивания завершенности, исчерпанности письма. Можно заметить роль этого знака как разделителя пространства в отношениях тело текста /дата.

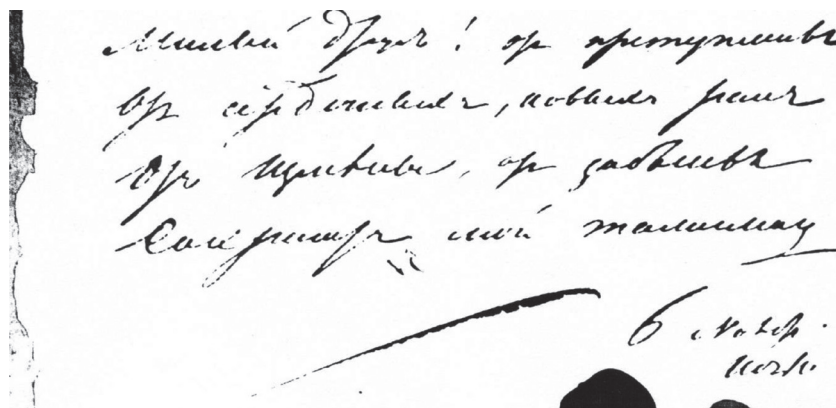

Рис. 4. **Отчеркивание** в конце текста. Рукопись стихотворения «Талисман»

3.3. Чайка (горизонтальная фигурная скобка), обозначая конечный предел текста, сигнализирует не только о его завершенности, но и *цельнооформленности*, внутренней скрепленности текста как целого, что выражается отчасти пиктографически и, очевидно, связано с семантикой фигурной скобки, «схватывающей» текст.

Рис. 5. Графические вариации символа **чайка** в рукописях Пушкина

3.4. Пружинка (росчерк) – знаменитый, фирменный знак рукописей Пушкина (см. рис. 6). Как пунктограмма в соединении с пиктограммой, знак входит в контрастную дистрибуцию с другими знаками в конце текста делимитаторами-терминаторами 2, 3 и 5 типов – способен совмещаться с ними. Главным образом обозначая «счастливое завершение», он служит своего рода *метатекстовым восклицательным знаком*, относимым к целому тексту. Терминирующая функция для **пружинки** вторична, а главной является семантическая – указание на удовольствие автора от текста как завершенного целого, своего рода знак облегчения, радостного «освобождения» от написанного. **Пружинку** можно считать и своего рода знаком объективации текста в сознании автора – его благословения на путь к читателю, жизнь в литературе.

Рис. 6. Графические вариации символа **пружинка** в рукописях Пушкина

3.5. Множественное тире (многоотирие, два и более длинных тире) в ряду неканонических знаков препинания Пушкина – один из самых трудных для интерпретации знаков. Будучи своеобразным *гибридом тире и многоточия*, этот символ наиболее тесно связан с синтагматической организацией текста как такового. Примечательно, что **многоотирие** – знак, не исключительно присущий Пушкину и спорадически возникающий в рукописях русских писателей XIX в.¹⁹

Тире в русской пунктуации на уровне базовой функции соединяет делимитационную и консолидационную, копулятивную роль (одновременно членит и обеспечивает связь разделенного). За исключением «висячих» **тире** при оформлении диалога, это внутрифразовый знак: там, где место точки, не место **тире**. В свою очередь, *многоточие* также указывает на синтагматический разрыв или лакуну («молчанка», как многоточие было названо у А.А. Барсова, впервые в русских грамматиках²⁰), но, в отличие от **тире**, это оператор как микротекста, так и макротекста (используется как внутри фра-

¹⁹ См.: А.В. Shapiro, *Osnovy russkoy punktuatsiyi*, Moskva 1955, s. 339–340.

²⁰ См.: B.S. Shvartskopf, *Tire*, Russkiy yazyk. Entsiklopediya, Moskva 1997.

зы, так и на границе фраз). По А.Х. Востокову, это «знак пресекательный» (подчеркивается его терминирующая функция), в то время как **тире** – «знак мыслеотделительный» (подчеркивается функция внутреннего членения фразы)²¹.

Пушкинское **многоотирие**, контаминируя эти знаки формально, соединяет и их функции. Главное его назначение – сигнализировать о глубоком *синтагматическом разрыве* и глубокой *лакуне* в межфразовом положении (1) и как бы о *паузе*, «молчанке», обреченной стать непреодолимым молчанием, – в конце текста (2). Таким образом, **многоотирием** у Пушкина становится, с одной стороны, тире с вновь ему приписываемой терминирующей способностью, а с другой – многоточие с приобретенной функцией внутрифразового и усиленной функцией межфразового членения.

С учетом того что **многоотирие** как «мыслеотделитель» у Пушкина систематически употребляется для разграничения реплик в диалогах, можно предполагать, что в межфразовом положении оно может интерпретироваться как маркер смены (шифтер) внутренних голосов лирического героя и, шире, модальных и повествовательных планов. Ср.:

- Какая польза намъ отъ ней – – / Поэтъ / Молчи, безсмысленный народъ...
- И нѣтъ отрады мнѣ – – – и тихо предо мной / встають два призрака младые (Воспоминание)
- И тебѣ пришла пора -- -- -- / Не косись ~~горящимъ~~ окомъ (Кобылица молодая)
- Прощай – – – – – да нельзя ль / Увидѣть мнѣ твою Армиду (Евгений Онегин)
- [Надолго-ли? – – – ~~нѣ~~ кажется прошли / Дни бурь, дни горькихъ искушений (Я возмужал среди печальныхъ бурь...)]
- Другіе ~~дружно~~ упирали / въ глубь <мощны> веслы – – въ тишинѣ / На руль склоняясь, нашъ кормщикъ умной (Арион)

Последний пример демонстрирует дополнительную, и также типичную, функцию многоотирия в пушкинском стихе: постановка знака подчеркивает синтаксический разрыв внутри строки (анжамбеман) там, где тенденция «единства и тесноты стихового ряда» (Ю.Н. Тынянов) должна быть преодолена дополнительным усилием вследствие возможного прочтения строки как синтаксически единой (*упирали... веслы в тишине). Замечу, что для пушкинских черновиков типичны случаи, когда поэт как будто сознательно не противится возникающей вследствие тесноты ряда синтаксической

21 A.Kh. Vostokov, *Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova: po nachertaniyu yego zhe sokrashchennoy Grammatiki polnyee izlozhennaya*, Sankt-Peterburg 1831, s. 326.

неоднозначности, в частности не ставя знаки, способные ее устранить; так происходит, например, при работе над не опубликованным при жизни отрывком «Счастлив, кто избран своенравно...» (возможным продолжением стихотворения «Наперсник», по версии 16-томного академического собрания): *Потупя голову ревниво / Признанья слушает твои*, где в процессе работы *ревниво* грамматически тяготеет то к деепричастному обороту, то к глаголу (что привело, в частности, к различной постановке запятой редакторами разных академических собраний). Там же, где Пушкин отвергает возможность грамматического соединения словоформ внутри строки, он охотно ставит **многотирие**.

Показательным примером последнего может служить беловая рукопись стихотворения 1830 г. «Герой» (см. рис. 7). Среди уже расставленных знаков препинания выделяется аккуратно прочерченное многотирие:

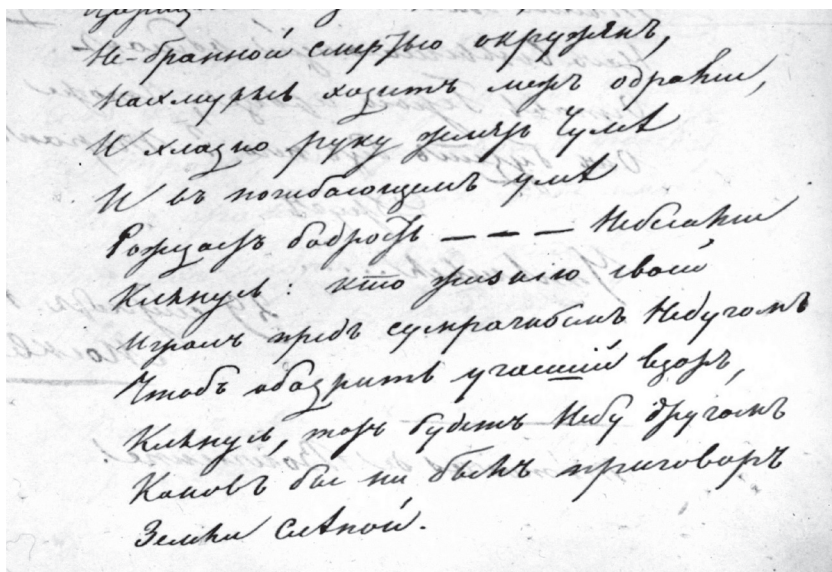

Рис. 7. Множественное тире в беловой рукописи стихотворения «Герой»

Постановкой многотирия здесь отмечается повествовательный поворот и подчеркнуто устраняется возможность неприемлемого прочтения **Рождает бодрость небесами...* Появление множественного тире в беловом автографе, безусловно, свидетельство высокой значимости ненормативного знака в индивидуальном стиле поэта.

Многотирие выступает также как макротекстуальный терминирующий знак, в таком случае располагаемый непосредственно под текстом. В этом положении он находится в отношениях контрастной дистрибуции с пружинкой, которая не делает его избыточным. Сочетаемость многотирия

в конце текста подчеркивает его статус указателя на глубокое послетекстовое молчание-умолчание, которое не передается другими терминаторами текста. Ср. в конце текста в черновой рукописи «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (в этой версии – «На холмы Грузии ночная тѣнь легла...»; см. рис. 8), где после первого катрена использовано многоточие:

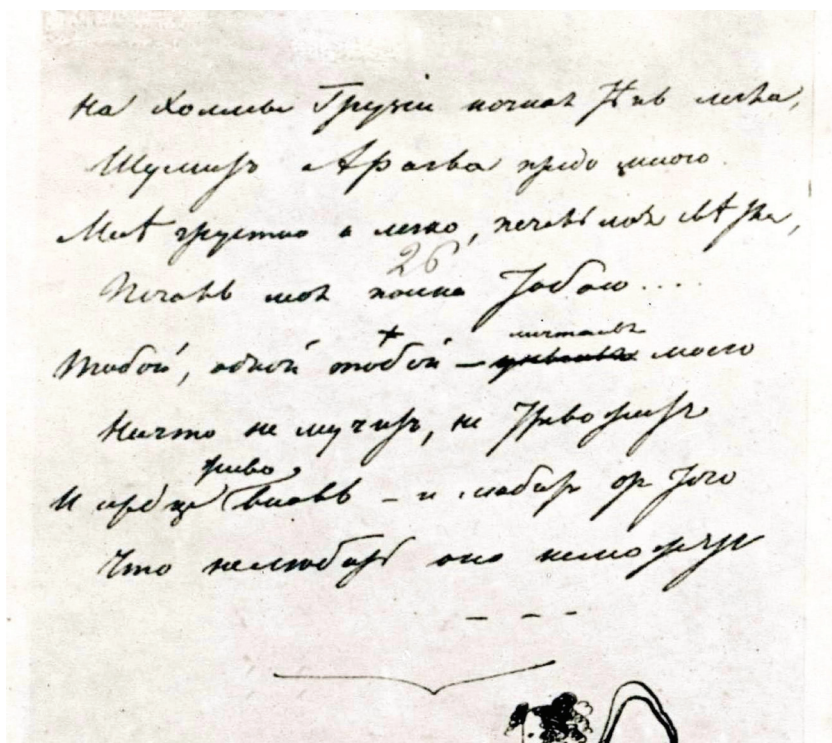

Рис. 8. Множественное тире в черновой рукописи стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

Ср. в сочетании с **пружинкой** (окончание стихотворения «Ответ анониму»; см. рис. 9):

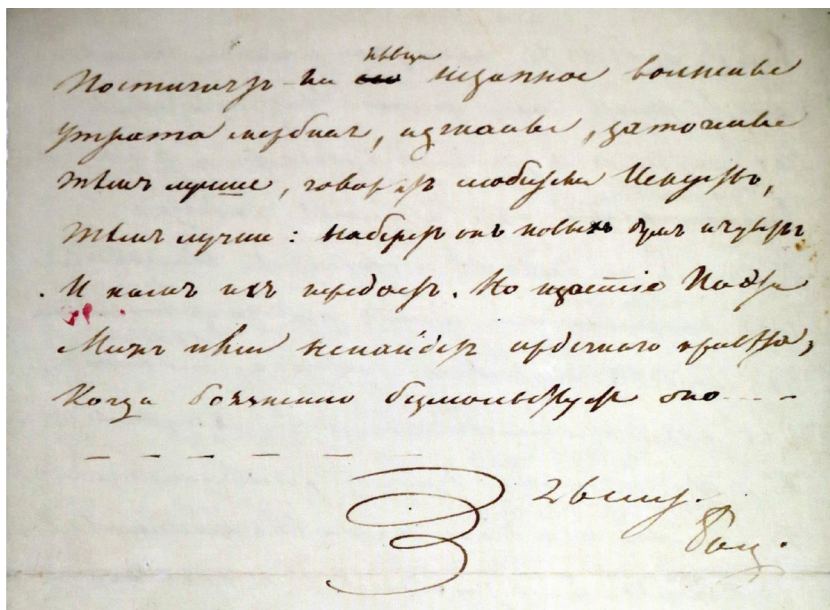

Рис. 9. Множественное тире в сочетании с пружинкой в беловой рукописи стихотворения «Ответ анониму»

Отдельно следует говорить о типичном для пушкинских черновиков многотирии в конце строк (см., например, нотации вариантов стихотворения «Поэт и толпа» в академических изданиях; типографическое отражение этого знака текстологами – свидетельство признания его важной роли в «поэтическом хозяйстве» Пушкина). Здесь оно принимает участие в разметке текста, сигнализируя о большей глубине ритмического членения, чем та, что передается обычным разбиением на строки (отбивкой/пробелом). Помимо многотирия, в этой разметке, формирующей ритмико-композиционный образ стихотворения, принимает участие и одиночное терминирующее тире, которое здесь пока не рассматривается, и формально традиционные пунктограммы.

Заметим, что графика многотирия у Пушкина приближает его к положению многоточия – это скорее своего рода многократное «нижнее подчеркивание», нежели обычное для тире срединное написание. В этой связи взаимодействующее с **многотирием** одиночное конечное тире также привлекает внимание своим нижним положением, которое позволяет предполагать и специальный статус последнего в пунктуационной системе Пушкина.

Это подводит нас к проблематике окказионального употребления стандартных знаков в пунктуации черновиков Пушкина, которой будет посвящена вторая часть настоящей статьи.

4. Кажется, излишне говорить о том, что правильное или хотя бы приближенное к истине толкование знаков препинания (при всей вероятной малоосознанности и гибкости употребления наиболее ярких индивидуальных пунктограмм самим Пушкиным), «учет всех показаний авторской орфографии и пунктуации»²² может дать многое для понимания движения творческой мысли поэта и собственно текста, который принято считать законченным. Невозможно предположить, что это движение представляет собой некий односторонний процесс перехода от сомнительных вариантов к более надежным и наконец к несомненным: очень часто борьба вариантов, многократное возвращение к уже было отвергнутому – нормальное явление. В работе над текстом у Пушкина доминирует не векторный, а скорее челночный принцип, с итоговым укреплением автора в некоем более определенном решении.

Пунктуационная разметка – необходимый элемент отражения подвижной, живой магмы поэтического слова в его становлении, и системность индивидуально-авторских знаков рукописей Пушкина может дать опорные сведения для того, чтобы меняющийся рельеф ритмической и синтаксической формы стиха мог быть понят в его функциональности.

Библиография

- Antoniuk Mateusz., *Otwieranie głosu. Studium o wczesnej twórczości Zbigniewa Herberta*, Kraków 2009.
- Barsov Anton A., *Rossijskaja grammatika*, Moskva 1981.
- Barulina N.N., *Rol' znakov prepiniya pri aktualizatsii vyskazyvaniya*, 'Russkiy yazyk v shkole' 1982, № 3.
- Baudouin de Courtenay Yvan A., *Znaki prepiniya. Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniyu*, t. 2, Moskva 1963.
- Bondy Serhey M., *O chtenii rukopisey Pushkina*, [v:] M. Bondy Serhey, *Chernoviki Pushkina. Stat'i 1930–1970 gg.*, 2-ye izd., Moskva 1978, pp. 143–190.
- Bray Joe, Handley Miriam, Henry Anne C. (eds.), *Ma(r)king the Text: The Presentation of Meaning on the Literary Page*, 2000.
- Bredel Ursula, *Die Interpunktion des Deutschen. Ein kompositionelles System zur Online-Steuerung des Lesens*, Tübingen 2008.
- Catach Nina, *La ponctuation. Histoire et système*, 2nd revised edition, Paris 1996.
- Chernyshev Vasilii I., *Zametki o znakakh prepiniya u Pushkina. Pushkin i yego sovremenniki: Materialy i issledovaniya*, vyp. 5, Sankt-Peterburg 1907, pp. 130–139.

22 B.V. Tomashevskiy, *Pisatel' i kniga: Ocherk tekstologii*, Leningrad 1928, s. 207.

- Crystal David, *Making a point: the pernickety story of English punctuation*, London 2015.
- Deppman Jed, Ferrer Daniel, and Groden Michael (eds.), *Genetic Criticism. Texts and Avant-textes*, Philadelphia 2004.
- Gallmann Peter, *Interpunktion (Syngrapheme)*, [v:] Günther Hartmut, Ludwig Otto (Hrsg.), *Schrift und Schriftlichkeit. Writing and Its Use. Ein interdisziplinäres Handbuch internationaler Forschung. An Interdisciplinary Handbook of International Research*, 2, Halbband, Berlin, New York 1996, pp. 1456–1467.
- Garavelli Mortara (ed.), *Storia della punteggiatura in Europa*, Roma 2008.
- Gasparov Boris, *Zametki o Pushkine*, 'Novoye literaturnoye obozreniye' 2001, № 52.
- Gasparov Mihail L., *Ritm i sintaksis: proiskhozhdeniye 'lesenki' Mayakovskogo*, Problemy strukturnoy lingvistiki 1979, Moskva 1981, pp. 148–168.
- Grésillon Almuth, *Éléments de critique génétique. Lire les manuscrits modernes*, Paris 1994.
- Grot Yakov K., *Spornyye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyue. Filologicheskiye razyskaniya*, ch. 2, izd. 4-e, Sankt-Peterburg 1899.
- Holler Anke, *Uniform oder Different? Zum syntaktischen Status Nicht-Restriktiver Relativsätze*, „Deutsche Sprache“ 2007, 35.3, pp. 250–270.
- Istrin Viktor M., *Vozniknoveniye i razvitiye pis'ma*, Moskva 1965.
- Itskovich Viktor A., *Opyt opisaniya sovremennoy punktuatsii. Nereshyonnyye voprosy russkogo pravopisaniya*, Moskva 1974.
- Ivanova Vera F., *Istoriya i printsipy russkoy punktuatsii*, Leningrad 1962.
- Izmaylov Nikolay V., *Tekstologiya. Pushkin. Itogi i problemy izucheniya*, Moskva, Leningrad 1966, pp. 555–610.
- Jakobs Eva-Maria, Perrin Daniel, *Handbook of Writing and Text Production*, Berlin 2014.
- Karaulov Yuriy N. (gl. red.), *Russkiy yazyk : entsiklopediya, 2-ye izd.*, pererab. i dop., Moskva 1997.
- Kirchhoff Frank, Primus Beatrice, *Das Komma im mehrsprachigen Kontext*, [v:] Simona Colombo-Scheffold, Christiane Hochstadt, Ralph Olsen (Hrsg.), *Ohne Punkt und Komma – Beiträge zu Theorie, Empirie und Didaktik der Interpunktion*, Transfer Band 10, Berlin 2016, pp. 77–97.
- Kirchhoff Frank, Primus Beatrice, *The architecture of punctuation systems: A historical case study of the comma in German*, "Written Language and Literacy" 2014, vol. 17, pp. 195–224.
- Korneychuk Yuliya V., *Znaki prepinaniya v rossiyskikh grammatikakh pervoy poloviny XIX veka*, Vestnik Irkutskogo gos. lingv. un-ta, 2011.
- Leont'yev Aleksey A., *Funktsional'naya klassifikatsiya russkikh znakov prepinaniya*, Yezhenedel'nik 'Russkiy yazyk' izdatel'skogo doma 'Pervoye sentyabrya' 2001, № 7.
- Lindroth Hjalmar, Jolivet Alfred, Bodelsen Carl Adolf Gottlieb (Hrsg.), *Dokumente zur Interpunktion europäischer Sprachen*, Göteborg 1939.

- Lukeman Noah, *The art of punctuation*, Oxford 2006.
- Meisenburg Trudel, *Rechtschreibung und Zeichensetzung des Französischen*, [v:] *Handbuch Französisch: Sprache – Literatur – Kultur – Gesellschaft*, Ingo Kolboom, Thomas Kotschi, Edward Reichel (Hrsg.), Berlin 2002, pp. 173–178.
- Mesch Birgit, *Kleines Zeichen – Große Wirkung: das Komma im Deutschen und Spanischen*, “Estudios filológicos alemanes” 2009, vol. 17, pp. 269–280.
- Meyer Charles Frederik, *A linguistic study of American punctuation*, Frankfurt a. M. 1987.
- Nikolayeva Tat'yana M., *O funktsiyakh punktuatsionnykh znakov v sovremennom russkom yazyke*, Sovremennaya russkaya punktuatsiya, Moskva 1979.
- Nunberg Geoffrey, *The Linguistics of Punctuation*, Stanford 1990.
- Parkes Malcolm Beckwith., *Pause and Effect: An Introduction to the History of Punctuation in the West*, Ashgate, Aldershot 1992.
- Penkovskiy Aleksandr B., Shvartskopf Boris S., *Opyt opisaniya russkoy punktuatsii kak funktsional'noy sistemy*, Sovremennaya russkaya punktuatsiya, Moskva 1979.
- Perrot Jean, *Punctuation et fonctions linguistiques*, [v:] *Langue française* 1980, n° 45, pp. 67–76.
- Pertsov Nikolay V., *Ob autentichnom faksimil'no-transkriptsionnom predstavlennii rukopisey russkikh klassikov*, ‘Filologicheskiye nauki’ 2015, № 1, pp. 75–94.
- Pertsov Nikolay V., Pil'shchikov Igor' A., *O lingvisticheskikh aspektakh tekstologii*, ‘Voprosy yazykoznaniya’ 2011, № 5.
- Peshkovskiy Aleksandr M., *Znaki prepiniya i nauchnaya grammatika. Shkol'naya i nauchnaya grammatika: opyt primeneniya nauch.-grammat. printsipov k shk. praktike*, 2-ye izd., ispr. i dop., Moskva 1918, pp. 81–106.
- Pierazzo Elena, *A rationale of digital documentary editions*, “Literary and Linguistic Computing”, 1 Dec. 2011, Vol. 26, Issue 4, pp. 463–477.
- Pierazzo Elena, *Digital Scholarly Editing: Theories, Models and Methods*, Routledge 2016.
- Pil'shchikov Igor' A., *Avantekst kak ob'yekt avtorskoy leksikografii (neskol'ko prakticheskikh voprosov na primere slovarya yazyka Batyushkova)*. M.L. Gasparovu-stikhovedu: In memoriam, pod red. M.V. Akimova, Moskva 2017, pp. 190–201.
- Reyser Solomon A., *Osnovy tekstologii. Uchebnoye posobiye dlya studentov pedagogicheskikh institutov*, izd. 2-ye, Leningrad 1978.
- Rozental' Ditmar E., *Spravochnik po punktuatsii dlya rabotnikov pechati*, Moskva 1984.
- Shapir Maksim I., *Ob orfograficheskom rezhime v akademicheskikh izdaniyakh Pushkina*, Moskovskiy pushkinist, [vyp.] IX, Moskva 2001.
- Shapir Maksim I., *Stat'i o Pushkine*, sost. T.M. Levina, izd. podgot. K.A. Golovastikov, T.M. Levina, I.A. Pil'shchikov, pod obshchey red. I.A. Pil'shchikova, Moskva 2009.

- Shapiro Abrám B., *Osnovy russkoy punktuatsiyi*, Moskva 1955, pp. 339–340.
- Shapiro Abrám B., *Sovremennyy russkiy yazyk. Punktuatsiya*, Moskva 1974, p. 38.
- Shcherba Lev V., *Teoriya nebukvennykh znakov russkogo pis'ma*, [v:] idem, *Teoriya russkogo pis'ma*, [chast' 2], Leningrad 1983, pp. 123–132.
- Shvartskopf Boris S., *Tire. Russkiy yazyk. Entsiklopediya*, Moskva 1997.
- Tomashevskiy Boris V., *Pisatel' i kniga: Ocherk tekstologii*, Leningrad 1928.
- Tynyanov Yuriy N., *Problema stikhotvornogo yazyka*, [v:] Tynyanov Yuriy N., *Literaturnyy fakt*, Moskva 1993, pp. 23–120.
- Tyskova Ol'ga V., *Eksperimental'noye izucheniye russkoy punktuatsii v funktsional'nom aspekte (na materiale interpretatsii chitayushchim pis'mennyykh tekstov)*, diss. ... kand. filol. nauk. Barnaul 2004.
- Valgina Nina S., *Russkaya punktuatsiya : printsipy i naznachenkiye*, Moskva 1979.
- Valgina Nina S., *Trudnyye voprosy punktuatsii*, Moskva 1983.
- Vander Meulen David L., and Tanselle G. Thomas, *A System of Manuscript Transcription*, "Studies in bibliography" 1999, vol. 52, pp. 201–212.
- Vekshin Georgy V., 'Shotlandskaya pesnya' A.S. Pushkina : poetika perelozheniya, Literaturnyy transfer i poetika perevoda, Sb. nauch. statey = Transfer Literacki i Poetyka Przekładu. Zbiór artykułów naukowych, otv. red. G.V. Vekshin, M. Pąkciński, Moskva 2017, pp. 28–55.
- Vekshin Georgy V., *K fonostilistike porozhdeniya teksta (Stikhotvoreniya A. Pushkina)*, 'Filologicheskiye nauki' 2005, № 6, pp. 22–31.
- Vekshin Georgy V., Khomyakova Ye.V., *Tekhnologiya mul'timediynogo predstavleniya protsessa sozdaniya teksta (proyekt 'Videotekst')*, 'Dialog-2015', Mat-ly mezhdunar. konf. po komp'yuternoy lingvistike, Moskva 2015, <http://www.dialog-21.ru/digest/2015/>
- Vekshin Georgy, Khomyakova Ekaterina, *The Videotext Project: Solutions for the New Age of Digital Genetic Reading*, Advances in Digital Scholarly Editing: Papers pres. at the DiXiT conferences in The Hague, Cologne, and Antwerp, Ed. by Peter Boot, Anna Cappellotto, et al., Sidestone Press, Leiden 2017, pp. 219–222.
- Vinokur Georgy O., *Kritika poeticheskogo teksta*, Moskva 1927.
- Vostokov Aleksandr Kh., *Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu yego zhe sokrashchennoy Grammatiki polnyee izlozhennaya*, Sankt-Peterburg 1831.
- Zhinkin Nikolay I., *Mekhanizm regulirovaniya segmentarnykh i prosodicheskikh komponentov yazyka i rechi. Poetics. Poetyka. Poetika*, Varshava 1961.
- Zhinkin Nikolay I., *Yazyk. Rech'. Tvorchestvo. Issledovaniya po semiotike, lingvistike, poetike*, Moskva 1998.
- Zhinkin Nikolay I., *Zamysel rechi. Plany i modeli budushchego v rechi (materialy k obsuzhdeniyu)*, Tbilisi 1970, pp. 13–15.

Georgy Vekshin

Неканоническая пунктуация рукописей А.С. Пушкина. I.

А н н о т а ц и я

В статье сделана попытка дать функциональное описание пяти наиболее значимых индивидуально-авторских знаков препинания, используемых в рукописях стихотворений Пушкина. Представлена типология базовых и частных функций пунктуации. Предложенное описание позволяет говорить об очевидных признаках системности неканонической пунктуации Пушкина, в частности о закономерностях дистрибуции знаков препинания. Изменяющаяся картина пунктуации текста позволяет составить более полное представление о рукописи как экспоненте творческого процесса и обеспечить более объемное понимание ритмико-синтаксической композиции и семантики текста как в его становлении, так и в условной окончательной версии.

Ключевые слова: пунктуация, черновик, рукопись, Пушкин, функциональный анализ, текст, генезис.

Non-canonical punctuation of Alexander S. Pushkin's manuscripts

S u m m a r y

The article attempts to give a functional description of the five most significant individual non-standard punctuation marks used in the manuscripts of Pushkin's poems. A typology of basic and particular functions of punctuation is presented. The proposed description allows us to speak about the systemic nature of Pushkin's non-canonical punctuation, in particular, about the patterns of distribution of punctuation marks. The changeable picture of punctuation in text makes it possible to form a more complete idea of the manuscript as an exponent of the creative process and provide a more comprehensive understanding of the rhythmic-syntactic composition and semantics of the text, both in its development and in the conditional final version.

Keywords: punctuation, draft, manuscript, Pushkin, functional analysis, text, genesis.

Niekanoniczna interpunkcja rękopisów Aleksandra S. Puszkin

Streszczenie

Artykuł podejmuje próbę opisu funkcjonalnego pięciu najbardziej indywidualnych znaków interpunkcji, które wykorzystuje Puszkina w swoich rękopisach. Przedstawia klasyfikację podstawowych oraz okazjonalnych typów interpunkcji. Analiza pozwala zobaczyć charakterystyczne cechy systematycznie nietypowej interpunkcji Puszkina, m.in. prawidłowość dystrybucji znaków interpunkcyjnych. Zróżnicowany obraz interpunkcji autorskiej poety daje pełniejszy obraz jego rękopisów jako zwierciadła procesu twórczego oraz zapewnia pełniejsze zrozumienie kompozycji rytmiczno-syntaktycznej i semantycznej jego tekstów zarówno w procesie powstawania, jak i w wersji końcowej.

Słowa kluczowe: interpunkcja, szkic, rękopis, Puszkina, analiza funkcjonalna, tekst, geneza.

Georgy V. Vekshin, Doctor of Philology, is a Professor of Linguistics and Editing and Research Groups leader, at the Institute for Editing and Journalism of the Moscow Polytechnic University, dep. of Russian Linguistics and Literary History. He has written more than 100 scientific publications and a unique linguistic monograph on the forms and functions of sound repetition in literary texts. He is the leader and main author of the Videotext digital project for genetic reading of texts, and the Phonotext project for automatic detecting of sound repetition structures in poetry, and the LSDR research project (Development of the electronic Live Stylistic Dictionary of Russian). He is a Member of The European Society for Textual Scholarship (ESTS), and the Commission of Genetic and Documentation Research into Literature by Polish Academy Sciences, and the Program board of Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze – the Journal of Studies in Russian Literature, University of Silesia, Poland.